

УДК 811.16

О.И. Ануфриева, Л.Б. Карпенко*

**КОНЦЕПТ «ПРАВЕДНОСТЬ» В РЕЛИГИОЗНОМ
И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ**

В статье рассматривается содержание концепта «праведность» в разных жанрах религиозного дискурса и в русской художественной литературе XIX–XX веков. Выявляются общие и специфические значения концепта в двух дискурсах.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивное варьирование, концепт, лексико-семантическая репрезентация.

Современное понимание принципов исследования концепта предполагает рассмотрение диахронических и дискурсивных изменений в его структуре, анализ варьирования концептуального содержания. Потенциальные смыслы концептов в неодинаковой мере актуализируются в разные эпохи в тех или иных дискурсах. С этой точки зрения важным представляется изучение базовых ценностных концептов, к которым, безусловно, относится концепт «праведность». В данном исследовании он рассматривается с позиций функционально-дискурсивного подхода: эффективность такого подхода в интерпретации концептов доказана современными лингвистами (С.Г. Воркачев, Н.В. Крючкова и др.). Цель статьи – показать специфику содержания концепта «праведность» в русском языке в разных дискурсах: в религиозном (в двух его разновидностях – прецедентном и вторичном) и в художественном дискурсе (см. источники фактического материала); выйти к осмыслению преломления исконно религиозного концепта в текстах светских жанров, где отражается индивидуально-авторское сознание, его национальные, исторические черты. Чтобы выявить и показать развитие концепта «праведность», развертывание смыслов в религиозном дискурсе, целесообразно провести поэтапный анализ его содержания от «первичного речевого жанра» [1, с. 166] – текста Библии – к интерпретирующим первичный жанр «вторичным жанрам» [1, с. 167] – житиям, комментариям к Библии, проповедям и под.

В книгах Ветхого Завета (ВЗ) концепт «праведность» имеет развернутую, комплексную структуру. Актуальное содержание эксплицируется рядом лексем с элементом *прав-*: *правда, праведность, праведный, праведник, правый, правота, справедливый, справедливость* и под. Лексема *правда* (имя концепта в церковнославянском тексте Библии) имеет следующие значения: 1) «присутствие сакральной сущности, открывающееся миру»: *Правды Твоей не скрывал в сердце моем (Пс. 39, 11)*; 2) «объект осмысления, познания»: *Разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения правду Твою (Пс. 87, 13)*; 3) «результат созидательной деятельности»: *будет творить суд и правду (Иез. 33, 14)*; 4) «вербализируемое слово»: *изречение уст моих – правда (Притч. 8, 6); Придут и будут возвещать правду Его людям (Пс. 21, 32)*; 5) «основание справедливого суда»: *Воздал мне Господь по правде моей (2Цар. 22, 21)*. Праведность в ВЗ предстает как персонифицированная сакральная сущность, с одной стороны, обладающая местом обитания, способностью перемещаться, с другой – сама являющаяся средой:

* © Ануфриева О.И., Карпенко Л.Б., 2013

Ануфриева Ольга Ивановна (o.anufrieva24@gmail.com), Карпенко Людмила Борисовна (karpenko@ssu.samara.ru), кафедра русского языка Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Правда пойдет перед Ним и поставит на путь стопы свои (Пс. 84, 14); Отворите мне врата правды: войду в них, прослаблю Господа (Пс. 117, 19). Теоантропный концепт «праведность» реализуется также через атрибутив *праведный*, относящийся в ВЗ как к Богу, так и к человеку. Бог праведен, потому что это составляет суть его природы: *Господи Боже! праведен Ты (1Езд. 9, 15); Господь праведен, — любит правду; лице Его видит праведника (Пс. 10, 7).* Бог праведен как справедливый судья: **Праведен Ты, Господи, и справедливы суды Твои (Пс. 118, 137).** Все, сопряженное с божественной сущностью, в религиозном сознании оценивается как праведное: *Я клялся хранить праведные суды Твои, и исполню (Пс. 118, 106); Все заповеди Твои праведны (Пс. 118, 172); Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем (Пс. 50, 6).*

Праведность человека в ВЗ предстает в двух основных аспектах: 1) как условие божественной помощи и благоденствия человека; 2) как проявление борьбы с нечестивыми: **Очи Господни обращены на праведников, и уши Его — к воплю их (Пс. 33, 16); Избавит их <праведников> от рук нечестивых и спасет их (Пс. 36, 40).** Лексически праведник обозначается прилагательным *праведный*, существительным *праведник* и словосочетанием *правые сердцем*. Праведность в ВЗ — ценностный идеал, который определяет ориентиры развития «ветхого» человека. Образ праведника в ВЗ соответствует признакам: соблюдающий Закон, верный слову Божию, справедливый по отношению к окружающим, идущий прямым путем, а потому пребывающий в благоденствии и богатстве.

В Новом Завете концепт претерпевает изменения, в состав его структуры входит компонент «вера». Спасение мыслится через праведность от веры, а не от закона: *Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем... праведности от веры (Галл. 5,5); <...> конец закона — Христос к праведности всякого верующего (Рим. 10,4).* Именно отход от традиционного ветхозаветного понимания праведности обуславливает варьирование концепта, отраженное в текстах вторичных жанров. Среди преемственных черт можно отметить предметное восприятие «праведности». В рассуждениях иерархов церкви и религиозных философов праведность ассоциируется с образом вместилища: **до края этого храма, до края праведности и через край ее перельется милость, жалость, сострадание, милосердие** (митрополит Антоний (Блум). «Притча о мытаре и фарисее»). К предметным признакам концепта относятся и сема «поглощение»: **праведность его поглотит их** (епископ Игнатий (Брянчанинов). «Отечник»). Особенно актуальной для концепта становится сема «объект желания и стремления». В контекстах, рисующих праведность, употребляются глаголы желания, стремления, достижения (*желать, искать, стремиться, хотеть, возвратить, присвоить*): *Мы его видели в прошлых беседах в полной силе, провозглашающим покаяние, превращающим грешников в людей, которые если не праведны, то хотят праведности, ищут ее, отрекаются от зла* (митрополит Антоний (Блум). «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия». Беседы на Евангелие от Марка); **Хочешь ли ты, поработившийся греху, влекомый к нему насилием навыка, возвратить себе свободу и праведность?** (епископ Игнатий (Брянчанинов). «В помощь кающимся»).

Новым в текстах вторичных жанров является негативная оценка ветхозаветной праведности. В проповедях и размышлениях о ней авторы употребляют следующие эпитеты и оценочные выражения: *праведность бесплодная, ложная, мертвая, мнимая, надменная, оскорбительная, тленная, унижающая; кичиться собственной праведностью; дешевое чувство собственной праведности; удовлетворенность собственной праведностью. Кто уйдет оправданным, а кто уйдет со своей тленной праведностью, которая не войдет в Царство Божие?* (митрополит Антоний (Блум). «Сретение, воскресенье о мытаре и фарисее»); *Потому так страшно бывает идти мириться, что*

знаешь, что отца не встретишь, а встретишь ложную добродетель, ложную праведность, унижающую, оскорбительную праведность (митрополит Антоний (Блум). «Притча о блудном сыне»). Восприятие праведности как качества, выделяющего субъекта среди остальных людей, сопровождается отрицательной коннотацией выражения *своя праведность*: *Такого рода деятельность приводит к мнению о своей праведности, образует праведников, отвергаемых Господом и отвергающих Господа...* (епископ Игнатий (Брянчанинов). «Правильное состояние духа»); *Только те, которые верят в свою праведность, не найдут пути к Нему, пока не покаются, пока не увидят, что смирение, любовь, жалость, милосердие – закон жизни* (митрополит Антоний (Блум). «Рождество Христово»).

Отличительной дискурсивной чертой концепта в текстах проповедей и религиозных поучений является расширение состава репрезентирующих его лексем, сочетающихся с прилагательным *праведный*. Кроме библейских *Бог, Господь, закон, суд, судья, муж, путь, стезя, заповедь, повеления*, добавляются конкретные существительные со значением лица: *старец, сын, отец, правитель, воин, фарисей*; отвлеченные существительные, обозначающие образ жизни, жизненный путь, качества, эмоциональные проявления и поступки человека: *гнев, долг, благодать, душа, желание, ревность, печаль, брань, осуждение, мздовоздаяние, мщение, награда, наказание, судьба, урок и под*. Таким образом, в рамках одного дискурса, но в разных его жанрах наблюдается варьирование содержательной структуры концепта и средств его репрезентации, расширение оценочных характеристик. Сохраняются базовые значения «высшая ценность», «нравственный ориентир», однако происходит частичная десакрализация концепта: теoантропный концепт становится абстрактной категорией, созидание *своей праведности* оценивается негативно, при этом наблюдается активная экстраполяция свойств праведности на сферы проявления качеств человека, социальные институты.

В дискурсе русской классической литературы XIX–XX вв. исследуемый концепт реализуется в обрисовке человеческих образов, сопровождающейся приемами обобщения, типизации. Осмысление идеи праведности в русской литературе наиболее ярко воплощено в творчестве писателей XIX века. Проникновенность образов праведников, созданных Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым, И.С. Шмелевым, получает продолжение в творчестве А.И. Солженицына, В.М. Шукшина, В.П. Астафьева, В.Г. Распутина, В.И. Белова, Б.А. Можая. Глубина и масштабы осмысления праведности, ее истоков на материале человеческих судеб побудили исследователей (А.Б. Тарасов, Ю.И. Сохряков, И.В. Долинина, И.Н. Михеева и др.) говорить о феномене праведничества в русской культуре: «Праведничество – социокультурное явление, соединяющее в себе опыт напряженной духовной жизни, причастности человека к миру идеального бытия, к высшей правде, и практику воплощения идеала в условиях повседневной жизни. Праведничество является поиском возможностей для обретения себя в истине, а не истины как таковой, непосредственным переживанием себя в истине при отсутствии отождествления себя с истиной» [2, с. 239].

Создаваемые писателями характеры праведников художественно моделируют базовые смыслы, соотносящиеся со словарными дефинициями лексемы *праведный*: «Праведный – 1. Честный, добросовестный. 2. Праведный, соответствующий правилам христианской морали. 3. Праведный, благочестивый, добродетельный, исполняющий заповеди Божии. 4. Справедливый. 5. Правильный, верный, точный. 6. Истинный, настоящий, подлинный» [3, с. 102]. Так, в художественном сознании Н.С. Лескова, создавшего целый цикл рассказов «Праведники», концепт «праведность» реализуется в лексемах *честный, трудолюбивый, добрый, жалостливый, гуманный, сердобольный, великодушный*. Индивидуально-авторским репрезентатом кон-

цепта у Н.С. Лескова является слово *одаренный* [4, с. 246]. Праведники Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова наделены особой чертой, которая получит продолжение в художественном дискурсе в мотиве чудачества. Герои-праведники вопреки собственной выгоде совершают поступки, противоречащие общепринятой логике. В текстах Н.С. Лескова неоднократно используется номинация чудака. В XX веке о своих чудаках будет писать В.М. Шукшин. Традиция говорить о праведниках как о чудаках укоренится в писательской практике, в ряд новых номинаций, обозначающих блаженного праведника, к лексеме идиот войдут контекстуальные синонимы *дурак, дурашка, глупый, Христа ради юродивый, чокнутый, чудака* и под.: *Гриша спал, как праведник, как ничем не отягощенный идиот, — глубоко, сладко и беспечно* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет). Судить о праведности персонажей можно по содержанию их жизни, степени ее влияния на окружающих, по их добродетелям: вере, смирению, кротости, терпению, незлобию, жертвенной любви к Богу и людям [5, с. 142]. О высокодуховном, нравственном содержании характера героини рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор» читатель узнает по ее улыбочности, трудолюбию, безотказности, стойкости в перенесении тяжкого недуга. Лишь в конце рассказа писатель употребляет слово, которое четко обозначает природу характера Матрены: *«... есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село»* (Александр Солженицын. «Матренин двор»).

Таким образом, проведенное сопоставление позволило выявить специфику реализации концепта «праведность» в разных жанрах религиозного дискурса и в текстах русской художественной литературы XIX–XX веков, удерживающей ценные смыслы традиции. Развитие концепта, изменение его содержательной структуры, расширение оценочных характеристик, обогащение лексического состава средств репрезентации наблюдается уже в рамках жанров религиозного дискурса. В религиозном дискурсе праведность теоантропна, освящена значением прецедентного текста Писания, поэтому всегда осмысленна, выверена в соответствии с Законом, верой. В художественном дискурсе праведность связана с человеком, с образом его жизни, она сопряжена с оценкой внутренних качеств людей: праведный – правдивый, справедливый, прямодушный, ищущий высшую правду. Эти качества диссонируют с повседневной жизнью, праведник может восприниматься как человек странный, не похожий на других, поэтому концепт обогащается значением «чудачество», что сопровождается контекстным использованием приема иронии и стилистически сниженной лексики. И даже все эти изменения не приводят к разрушению ценностного концепта, сохраняющего свое значение для русской традиции как части общечеловеческой культуры.

Библиографический список

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.
2. Тарасов А.Б. Праведничество // Энциклопедия гуманитарных знаний. 2007. № 3. С. 239–240.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М: Наука, 1992. Вып. 18 (Потка–Преначальный). 290 с.
4. Долинина И.В. Художественный концепт праведный в цикле Н.С. Лескова «Праведники» // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2008. Вып. 3. С. 243–250.
5. Тарасов А.Б. Праведничество в художественном мире Л.Н. Толстого // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 139–144.

Источники фактического материала

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 1995. 1372 с.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

*O.I. Anufrieva, L.B. Karpenko**

**CONCEPT OF «RIGHTEOUSNESS» IN RELIGIOUS
AND ARTISTIC DISCOURSES**

The article deals with the content of the concept «righteousness» in religious discourse and texts of Russian fiction of 19–20 centuries. Common and specific meanings of the concept in two discourses are revealed.

Key words: discourse, discursive variation, concept, lexico-semantic representation.

* *Anufrieva Olga Ivanovna* (o.anufrieva24@gmail.com), *Karpenko Lyudmila Borisovna* (karpenko@ssu.samara.ru), the Dept. of Russian Language, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.